

ОБРАЗ КАРЕЛА В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЧАСТУШКЕ КАРЕЛОВ: К ПРОБЛЕМЕ КАРЕЛО-РУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ СТРОГАНОВ

(Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН: Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а; Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство): Российская Федерация, 117997, г. Москва, ул. Садовническая, 33, стр. 1)

***Аннотация.** Тверская земля является местом коренного заселения карелов с XVII в., поэтому проблема национальных контактов русского и карельского населений оказывается очень актуальной для Тверской области. Эти контакты описываются обычно как бесконфликтные, а культурный обмен — как интенсивный и плодотворный, но в реальной практике со стороны русских существовала ксенофобия, которая усилилась в XX в. в период индустриализации, когда карелы стали переезжать в города. Отражение «мягкой» ксенофобии, иронии над чужим мы видим в частушках. В XX в. уровень национальной идентичности карелов постоянно понижался. Национальность не скрывается, но и не позиционируется, и даже население Лихославльского района собиратели-карелы называют карелоязычным, а не карельским. В результате культурной ассимиляции карелов от них записан большой корпус фольклорного материала на русском языке, русскоязычный фольклор тверских карелов. В этой ситуации особое значение приобретают тексты, в которых есть показатели идентичности. Когда исполнительница-карелка говорит: «Эх ты, русское наше приволье» — это означает не национальную, но государственную принадлежность. Можно выявить три вида карело-русской культурной интерференции. Первый — тематический: в частушках образ карела либо сопоставляется с русским, либо описывается сам по себе, но имплицитно чужая, внешняя точка зрения все же присутствует. Другой вид культурной интерференции — языковой: в русскоязычных частушках появляются карельские вкрапления, а в карельских частушках — русскоязычные вкрапления. Третий вид культурной интерференции — фоновый: это либо переводы народных русских песен на карельский язык, либо формирование оригинальных карельских песен, аналогичных русским песням с теми же сюжетами («Летит, летит птичка» / «Уж ты сад, мой сад, сад зелененький» и «В полюшке березка растет» / «Во поле березка стояла»). В статье подробно рассмотрены первые два вида карело-русской культурной интерференции.*

***Ключевые слова:** частушка, русскоязычный фольклор карелов, национальная идентичность, лексические заимствования, Тверская область.*

***Дата поступления статьи:** 25 июля 2019 г.*

***Дата публикации:** 10 декабря 2019 г.*

***Для цитирования:** Строганов М.В. Образ карела в русскоязычной частушке карелов: к проблеме карело-русской культурной интерференции // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 5. С. 53–64.*

***DOI:** 10.26158/TK.2019.20.5.004*

Тверская земля является местом ко- ренного заселения карелов с XVII в., по- этому проблема национальных контактов русского и карельского населений оказы- вается очень актуальной для Тверской об- ласти. Эти контакты описываются обыч- но как бесконфликтные, а культурный обмен — как интенсивный и плодотвор- ный (библиографию вопроса см.: [Твер- ская фольклористика: материалы к би- блиографии 2018]. В этой библиографии оказалась не учтена статья: [Михайлова 2014]). Однако это вовсе не означает, что в реальной практике не было ксенофобии со стороны русских. И эта ксенофобия, как показывают материалы, усилилась в XX в., когда в период индустриализации вследствие включения карельского насе- ления (до этого по преимуществу аграр- ного) в промышленное производство ак- тивизировался переезд карелов в города. Но в научной литературе эта проблема отражения не получила, и в данной статье мы намерены восполнить этот пробел.

Карелам, разумеется, не приписыва- лись агрессивные качества, как евреям или цыганам, но смутные представления о тупости, злопамятности карелов быто- вали достаточно широко (частично они отразились и в нашем материале). Отра- жение такой «мягкой» ксенофобии, иро- нии над чужим мы видим в следующей частушке:

Старшина сидит в конторке,

Составляет протокол:

Убежали в самоволку

Два карела и хохол.¹

Следует признать, что за долгие годы советской власти уровень национальной идентичности карелов постоянно пони- жался. Это было вызвано внутренними, естественными причинами: межнацио- нальной интерференцией и культурной ассимиляцией карелов. Но были и внеш- ние, политические причины: названная выше ксенофобия, которая заставляла репрезентировать себя как представите- ля титульной нации, и репрессии властей

против национальной специфичности, интерпретировавшейся как национализм. На этом фоне весьма показательным яв- ляется устный рассказ о Финской войне: «Когда началась Финская война, и карел стали призывать. Бабушка рассказывала, что было очень много дезертиров. Прята- лись в лесах и даже в навоз зарывались. И когда НКВДешники приходили в дома, искали, то вилами протыкали и сено, и весь навоз. Искали очень тщательно».² В этом рассказе характерно первое предло- жение: началась Финская война, и карелов стали призывать воевать против финнов. Именно этим и объясняется массовое де- зертирство карелов, которое не вызывает у рассказчицы осуждения.

Как результат этих процессов ассими- ляции мы имеем сравнительно большой корпус полевых записей фольклорного материала, сделанных у карельского насе- ления Тверской области на русском языке. Этот корпус мы будем называть русскоя- зычным фольклором тверских карелов. Ясно, что студенты филологического фа- культета в массе своей не владели карель- ским языком, да и фольклорная практика была сориентирована на запись русского фольклора. Ср. два отчета о фольклор- ной практике в Лихославльском районе: «Основным населением считались кар- елы. Их традиции оказали влияние на развитие фольклора в данной местности. В деревнях до сих пор поют карельские частушки; бытуют и карельские посло- вицы, но, не зная языка, очень трудно их оценить, так как в переводе тексты очень проигрывают по содержанию»;³ «В нашем районе живут почти одни карелы, по- этому старый фольклор — это фольклор на карельском языке. Но даже это мне не помешало без труда собрать тексты в этой тетради».⁴ С одной стороны, не зная карельского языка, записывать карель- ский фольклор трудно, практически не- возможно. С другой стороны, собиратель радуется, что ему удалось от карелов со- брать русский фольклор.

¹ Зап. от В. А. Федотовой, 1915 г. р., д. Телицыно, Лихославльский р-н. 2000 г. Все анализиру- емые материалы записаны в 1970–2000-е гг. студентами филологического факультета Тверского государственного университета. В настоящее время они хранятся в Государственном Россий- ском Доме народного творчества имени В. Д. Поленова, фонд М. В. Строганова.

² Зап. от Г. П. Велиевой, 1949 г.р., д. Грудово, Лихославльский р-н. 2005 г.

³ О. А. Кузьмина, М. В. Иванова, Лихославльский р-н. 1996 г.

⁴ Е. М. Смирнова, Лихославльский р-н. 2000 г.

Следует признать, что только одна собирательница сознательно рефлексировала по поводу русскоязычного фольклора карелов, и уровень ее рефлексии достаточно высок (ошибочные положения ее мы не исправляем и не комментируем): «Фольклорную практику я проходила в селе Залазино Лихославльского района Тверской области. Прежде всего следует ответить, что основными информантами были люди, которые по своей национальности являются карелами. Тем не менее, судя по собранному материалу, они довольно хорошо знакомы с русским фольклором. Необходимо уточнить, что так как карелы начали контактировать с русским народом в конце XVII — начале XVIII в., то, следовательно, древних жанров русского фольклора они не знают. А в основной их репертуар на русском языке входят более поздние жанры, такие, как жестокий романс, лирические песни, заговоры и частушки.

Не следует забывать, что основная масса карелов овладела русским языком в совершенстве в начале XX в., и до сих пор <карелы> являются двуязычным народом. Исходя из этого, наблюдается некоторый парадокс: замечено, что люди, являющиеся по своей национальности карелами, сочиняют частушки на русском языке, но содержание некоторых выражений на карельском.

Я не просто так стала собирать фольклор у карелов. На самом деле мне было очень интересно проследить тенденцию развития русского фольклора у иноязычных народов, населяющих русские земли. И проведенная мною работа показывает, что карелы если не лучше, то и не хуже сохранили русский фольклор и даже, может быть, внесли свою лепту в его развитие».⁵

Впрочем, и другие собиратели, русские по происхождению, отмечали те же самые явления, хотя, конечно, и не с такой степенью отчетливости: «Практика проходила в деревне Заболотье Лихославльского района. Это небольшая деревня, находящаяся далеко от районного центра. Коренные жители — карелы, хорошо владеющие русским языком». Все записанные тексты принадлежат русскому фольклору.⁶

С другой стороны, симптоматичны показания собирательницы, карелки по происхождению: «Я проходила фольклорную практику в Лихославльском районе в деревне Раменье. Исполнительница, с которой я работала, — моя бабушка Белякова Мария Андреевна. Для меня было очень неожиданно узнать, что она знает так много частушек. Исполняла она частушки во время домашней работы. Между исполнением рассказывала о своей тяжелой жизни в военное и послевоенное время. Некоторые факты ее биографии я узнала только во время этих откровенных рассказов, что для меня стало новостью. Бабушка рассказала, что 9 мая 1945 г. она встретила в стенах тюрьмы, где, узнав о победе, все заключенные сочинили частушки про Гитлера, некоторые из них ей удалось вспомнить.

Каждая исполненная частушка навевала бабушке ряд воспоминаний, которыми она охотно делилась. Она рассказала о том, как раньше проходили в деревне праздники, гулянья и посиделки (по бабушкиным словам, они их называли «беседы»). На одной из таких бесед она познакомилась с дедушкой. Частушки бабушка помнит очень хорошо. Хочется отметить, что некоторые частушки двуязычны, так как в районе проживает в основном уже пожилое карелоязычное население. Но полностью карельские частушки все-таки уже очень редки, и в бабушкином исполнении я слышала их совсем мало. А те, которые она мне исполняла, были слишком неприличные, и перевод их на русский язык составляет много трудностей».⁷

Из этого свидетельства следует, что собирательница и сама карелка (по отцу), и бабушка с дедушкой (родители отца) тоже карелы. Собирательница владеет карельским языком, но частушки на карельском языке не записывала, причем не потому, что их не велено было записывать, а в силу их нескромности. Но прямой идентификации себя в качестве карелок ни у бабушки, ни у внучки нет. Национальность не скрывается, но и не позиционируется, даже население Лихославльского района девушка-карелка называет не карельским, а карелоязычным, хотя по большому счету его

⁵ Ю. А. Боголюбова, Лихославльский р-н. 1998 г.

⁶ Т. И. Беляева, д. Заболотье, Лихославльский р-н. 1994 г.

⁷ Зап. от М. А. Беляковой, 1927 г. р., д. Раменье, Лихославльский р-н. 2000 г.

следовало бы называть русскоязычным карельским населением.

В этой ситуации особое значение приобретают тексты, в которых есть идентификаторы национальности. Такова, например, песня (она обычно называется народной, хотя автор стихов и музыки известен — А. Попов), записанная от исполнительницы, которая идентифицирует себя как карелку:

Как пойду я на быстру реку,
Сяду я на крутой бережок,
Посмотрю на родную сторонку,
На зеленый приветный лужок.

Ты, сторонка, сторонка родная,
Нет на свете привольней тебя.
Уж ты поле мое золотое
Да высокие наши хлеба.

Эх ты, русское наше приволье,
Краю нет — всё луга да поля.
Ты, широкое наше раздолье,
Ты, родимая мать земля.⁸

Исполнительница называет «наше приволье» русским, что при ее национальной идентификации как карелки означает, разумеется, государственную принадлежность.

Другой пример, где указание на «русскость» служит знаком государственной идентичности, записан от исполнительницы, которая называет себя карелкой, но живет вне пределов традиционного поселения карелов. Эта исполнительница являлась участницей русского фольклорного коллектива и сама сочиняла частушки на русском языке, так что она в гораздо большей степени, нежели лихославльские карелы, может быть названа русскоязычной:

Меня Волгою назвали
От того, что я бойка.
Я, девчонка, отвечала:
«Волга — русская река».⁹

Вообще, как нам представляется, существуют три вида культурной интерференции. Первый — тематический: в

частушках образ карела либо сопоставляется с русским, либо описывается сам по себе, но имплицитно чужая, внешняя точка зрения все же присутствует. Другой вид культурной интерференции — языковой: русскоязычные частушки с карельскими вкраплениями и карельские частушки с русскоязычными вкраплениями. Далее мы опишем два вида культурной интерференции. Не имея возможности рассмотреть в пределах данной статьи третий вид культурной интерференции, фоновый: оригинальные карельские песни, которые являются аналогами русских песен с теми же сюжетами («Летит, летит птичка» / «Уж ты сад мой, сад, сад зелененький» и «В полюшке березка растет» / «Во поле березка стояла»), — укажем только на работу, где описаны сходные явления [Миронова 2014].

1. Национальная идентичность карела в частушке

В настоящем разделе мы рассмотрим представление карела в частушках. Все частушки делятся на две большие группы. В первой карел (никогда карелка) сопоставляется с представителями других народов (в основном, конечно, с русским). Во второй группе карелы описываются сами по себе, но имплицитно «чужая» точка зрения все же присутствует.

В первой группе наиболее популярен сюжет, основанный на том, что девушка, очевидно, русская, сравнивает ухажеров: русского и карела в пользу последнего. Самой популярной частушкой в этом сюжете является следующая:

Ветер дует, ветер дует,
Ветер дует на чердак.
Хорошо карел целует,
Русский не умеет так.¹⁰

Еще три частушки:

Говорят, карелы дуры,
Ну и русский не народ.
Я вчера с одним сидела,
Оказалось, хуже врет.¹¹

⁸ Зап. от А. Е. Козловой, 1916 г. р., д. Гутты, Лихославльский р-на. 1996 г.

⁹ Зап. от А. М. Уткина, 1923 г. р., д. Конаково, Лихославльский р-он. 1993 г.

¹⁰ Зап. от Т. И. Добряковой, 1965 г. р., д. Еремеевка, Спировский р-н. 2004 г. Вариант: Русский не сумеет так. Зап. от А. В. Михайловой, 1939 г. р., д. Зубцово, Рамешковский р-н, 1993 г.; Зап. от М. И. Зориной, 1924 г. р., д. Алешино, Рамешковский р-н. 2000 г.

¹¹ Зап. от А. И. Виноградовой, 86 лет, Н. П. Виноградовой, 64 лет, д. Грудово, Лихославльский р-н. 2005 г.

Ой, все карелы прогорели,
В землю провалилися.
Я дура девушка была:
В русского влюбилась.¹²

Дроби, дроби, дробака!
Нам карелы изменили,
А мы русских за бока!¹³

Во всех этих частушках карел выигрывает в сравнении с русским, который и целует хуже, и врет больше, поэтому в русского можно влюбиться либо с горя, либо по глупости. И сказано это как бы «со стороны», со стороны русской девушки, во всяком случае, в этом убеждает ее хорошее знание русских.

В ряде случаев русская национальность героини частушки объявляется прямо, что придает ее открытому интересу к ухажеру карелу особое значение:

Ах, юбка моя, юбка узкая.
Я карелика люблю, сама русская.¹⁴

Я, девчонка русская,
В карелика влюбилась.
Поговорка «туле тянне»
Три недели снилася.¹⁵

В последней частушке туле тянне означает 'иди сюда'.

Известны, конечно, сюжеты с нетрадиционными конфликтом или расстановкой персонажей, но на этом фоне они оказываются периферийными. В одной частушке девушка оказывает предпочтение русскому перед карелом:

Брошу, брошу я галоши,
Буду валенки носить.
Брошу, брошу я карела,
Буду русского любить.¹⁶

В одной частушке (два варианта) нет противопоставления карела и русского, хотя девушка, очевидно, русская:

Я пойду к карелу, девушки,
Спроведаю дружка.
По тебе, карелечоночек,
Болит моя душа.¹⁷

Две частушки созданы от лица молодого человека:

Любил я девочку-т' карелочку,
Карелочка-т' меня.
Эх, из-за девочки-т' карелочки
Порезали-т' меня.¹⁸

Причем в одной из них любовный сюжет только намечен и мы видим только интерес к девушке со стороны парня:

Из-под горочки виднеется:
Карелочка идет.

Она неполные ведерочки
Воды на чай несет.¹⁹

В другой группе частушек герой и героиня — оба прямо названы карелами:

Моя милочка карелочка,
Ну и я карелочек.
В мою милочку карелочку
Влюбился своячок.²⁰

Моя милочка не дурочка,
И я не дурачок.
Моя милочка карелочка,
И я карелечок.²¹

Моя милочка карелочка,
И я карелечок.
Мою милочку карелочку
Купил за пятачок.²²

Внешне эти частушки похожи друг на друга. Однако в первой намечен любовный конфликт. Следует учесть, что свояк в данном случае — это свойственник вообще, а не муж сестры жены (свояченицы), поскольку у парня, который имеет «милочку

¹² Зап. от Н. Н. Гутаровой, 1933 г. р., ст. Максатиха. 2003 г.

¹³ Зап. от Т. С. Лебедевой, 1960 г. р., Калинин. 1980 г.

¹⁴ Зап. от М. В. Костеревой, 1916 г. р., д. Поповка, Кашинский р-н, б/д.

¹⁵ Зап. от М. А. Беляковой, 1927 г. р., д. Раменье, Лихославльский р-н. 2000 г.

¹⁶ Зап. от М. А. Беляковой, 1927 г. р., д. Раменье, Лихославльский р-н. 2000 г.

¹⁷ Зап. от А. П. Лебедевой, 1926 г. р., д. Давыдово, Сандовский р-н. 2002 г. Вариант: Я пойду к карелу в гости / И проведаю дружка. / По тебе, мой карелёночек. Зап. от Р. С. Губановой, 1935 г. р., Максатихинский р-н. 1999 г.

¹⁸ Зап. от Н. А. Зайцевой, 50 лет, д. Капшино, Калязинский р-н, б/д.

¹⁹ Зап. от Г. Г. Рак, 61 год, Кувшиново, б/д.

²⁰ Зап. от К. Г. Матвеевой, 1920 г. р., Сонково. 1992 г. Тот же текст (без вариантов): зап. от В. И. Королевой, 1924 г. р., с. Пустораменка, Рамешковский р-н. 1992 г.

²¹ Зап. от Т. А. Романовой, 1931 г. р., д. Никольское, Максатихинский р-н, б/д.

²² Зап. от Е. В. Корочкина, 1941 г. р., Конаково. 1991 г.

карелочку», не может быть жены. Значит, у милочки появился еще один ухажер, конкурент герою частушки. А во второй и третьей частушках никакого внутреннего конфликта нет: как кажется, обе они построены на опровержении ходячего представления о том, что все карелы — дураки, поэтому основной мотив их — самоирония: мы не дураки, но карелы.

Такую же идейную композицию «от противного» имеет и другая частушка:

Давай, Коля, мы попляшем,
Давай разуделаем.
Говорят, что мы карелы,
Ни черта не делаем.²³

В этой частушке «чужая» точка зрения на карела выражена со всей определенностью. В этой ситуации частушка становится средством социальной защиты и социальной реабилитации карела. И в этом ее огромное значение. Такая частушка не могла быть собственно карельской, так как внутри собственно карельской среды не было необходимости доказывать, что карелы не дураки, что карелы умеют что-то делать. Это было ясно и так. Но вне карельской среды это было необходимо доказывать ежедневно. Именно поэтому карелы и прибегали к русскоязычной частушке.

На этом фоне большое значение приобретает установление национальности исполнителей тех частушек, в которых упоминаются карелы или используется карельская лексика как форма национальной идентификации. Однако собиратели национальность исполнителей приведенных выше частушек почти нигде не отмечали. Вместе с тем при общем числе подобных частушек 21, большинство (17) записано в местах традиционного обитания карелов: Лихославльский (7), Рамешковский (3), Максатихинский (3), Спировский (1), Сандовский (1), Сонковский (1), Кашинский (1) районы. И только 4 частушки записаны в других районах: Конаково, Калинин, Кувшиново, Калязинский район. То есть большинство записей сделано, как можно судить, от самих карелов. А две записи сделаны действительно от карелки из д. Раменье Лихославльского района (см. о ней выше). И очень

показательно, что эта карелка строит свой текст от лица русской девушки: «Я, девчонка русская, / В карелика влюбилась»; и даже отдает предпочтение русскому парню перед карелом: «Брошу, брошу я галоши, / Буду валенки носить». То есть карел смотрит на себя в частушке с точки зрения русского, русскими глазами. И то же самое мы можем сказать и о других частушках, хотя степень обнаружения этой позиции может быть менее явной.

Последнее наше замечание об образе карела в русскоязычной (русской) частушке касается сопоставления его с образом цыгана в русской частушке. Цыган и цыганка часто упоминаются в частушке, но содержание этих упоминаний, как мы полагаем, иное. Возьмем, например, следующую общеизвестную частушку:

Ты цыган, и я цыган,
Оба мы цыгане:
Ты воруеть лошадей,
Я ворую сани.

Исполнение этой частушки вовсе не предполагает внутренней национальной идентификации: говоря эти слова, исполнитель вовсе не относит себя к цыганам. Речь здесь идет только о внешней идентификации цыгана, поскольку воровство и страсть к лошадям являются, по легенде, любимыми занятиями цыган. Внутренней идентификации здесь нет. В русскоязычной частушке карелов, как мы пытались показать, наличествует именно внутренняя идентификация.

2. Язык частушек тверских карелов

Русскоязычные частушки с карельскими вкраплениями встречаются достаточно редко, и причины этого явления вполне понятны. Карельский язык был неизвестен окружающему русскому населению, поэтому обращение к нему в русскоязычной частушке может быть вызвано либо широкой известностью, либо табуированностью того или иного выражения. К типу частушек с широко известными выражениями относится, в частности, следующая частушка, записанная от исполнительницы-карелки:

Я, девчонка русская,

²³ Зап. от М. М. Кошелева, 1913 г. р., д. Гайоново, Лихославльский р-н, 2002 г. Варианты: Давай, Таня, мы попляшем, / Давай мы покажемся, / Говорят, что мы карелы, / Ничего не делаем. Зап. от А. М. Арсентьевой, 1955 г. р., с. Залазино, Лихославльский р-н. 1999 г.

В карелика влюбилася.

Поговорка «туле тянне»

Три недели снилася.²⁴

Карельское выражение «туле тянне» (*tulla t'änne*), означающее в данной частушке 'иди сюда', было, видимо, знакомо и ближайшему русскому населению.

В качестве примера частушек, содержащих табуированные (в первую очередь матерные) выражения, можно привести запись, сделанную от исполнительницы, которая также репрезентирует себя как карелку:

Меня сватали сваты,
Приданого — триста,
Еще шуба на меху,
Хевал виту — жениху.²⁵

В карельском языке употребляется выражение «мяне хеволла виттух» — 'пошел ты в лошадиную п...' (следует, впрочем, учитывать, что собственно карельский мат не существует). Запись же «хевал витту» некорректна с точки зрения грамматики, но общий смысл тем не менее ясен.²⁶ В данном случае матерное выражение на ином (не русском, как вся частушка) языке является формой табуированного именования предмета или действия. Включенный в русскоязычный контекст карельский мат может быть интерпретирован как тайный язык, который отграничивает своих, посвященных, карелов — от окружающих их профанов, русских. Личный опыт автора статьи показывает, что сами карелы подчас сознательно использовали карельский язык как закрытый, тайный при общении с русскими.²⁷

Но следует повторить, что русскоязычные частушки с карельскими вкраплениями встречаются достаточно редко. Собирательница, записавшая первую частушку, отмечает, что «некоторые частушки двуязычны, так как в районе проживает в основном уже пожилое карелоязычное население»,²⁸ но в ее записи мы находим только одну двуязычную частушку.

Гораздо шире распространены частушки на карельском языке с вкраплениями

слов, которые так или иначе восходят к русскому языку. В нашем распоряжении имеется 18 таких текстов [Словарь карельского языка 1994, 61, 239], но мы рассмотрим только часть из них.

T'at'a, mame ródnoi

Ošša paikka modnoi.

Keššellä kukka,

Elä hvat't'i hukka.

Отец, маме рódной

Купи платок модный.

Посередине цветков,

Не хватай, волк.

В этой частушке слова *ródnoi* и *hvat't'i* принадлежат, как показывают словари, основному фонду тверских говоров карельского языка [Словарь карельского языка 1994, 61, 239], хотя совершенно очевидно, что они являются прямым, но достаточно давним заимствованием из русского языка. Однако слово *modnoi* в словаре тверских говоров карельского языка не зафиксировано, хотя отмечено слово *moda* со значениями 'обычай', 'привычка' [Словарь карельского языка 1994, 161].

Аналогичный случай мы видим и в другой частушке:

Mamene i t'at'ane,

Rubizunke šalinka,

Uglazilla kukkone,

Elä hvat't'i hukkone.

Мама и папа,

С бахромой шалька.

В уголке цветочек,

Не хватай, волк.

Здесь слова *šalinka* — это заимствованное из русского языка слово «шаль», хотя в тверских говорах этот предмет женского туалета называется *šuw'r'ipaikka* (буквально 'большой платок'). Несколькo сложнее обстоит дело со словом *uglazilla*, которое в данном контексте имеет значение 'угол', поскольку в тверских говорах угол может быть обозначен словами *šurpu* [Словарь карельского языка 1994, 31] и *ugla* [Словарь карельского языка 1994, 316], при этом второе является несомненным, но, видимо, давним заимствованием. Вместе

²⁴ Зап. от М. А. Беляковой, 1927 г. р., д. Раменье, Лихославльский р-н. 2000 г.

²⁵ Зап. от А. М. Арсентьевой, 1955 г. р., с. Залазино, Лихославльский р-н. 1999 г.

²⁶ В работе над этими частушками с карельским языком большую помощь оказали мне А. Н. Рунтова и Л. Г. Громова, которым я выражаю свою благодарность.

²⁷ Это, видимо, общее явление. Ср. на тверском же материале аналогичные наблюдения над языковым поведением цыган: [Махотина 2010].

²⁸ Алена Владимировна Белякова. 2000 г.

с тем в той форме, которую мы находим в частушке, слово выглядит как заимствование: корень из русского языка обставлен карельскими суффиксами, в результате чего получается достаточно сложное образование, которое нельзя квалифицировать ни как собственно русское, ни как карельское.

Tuatozeni, muamozeni,
Lašše poigua, gul'aimah.
Mäne poiga, mäne ródnoi,
Ežel' vovso himottau.
Папочка, мамочка,
Пустите сына погулять.
Иди, сын, иди, родной,
Если очень хочется.

О слове ródnoi см. в описании частушки «T'a'a, mame ródnoi». Большой интерес вызывает конструкция ežel' vovso, которая в данном контексте означает 'если очень': здесь соединены давно усвоенное из русского языка слово vovso со значениями 'очень', 'совсем', 'вовсе' [Словарь карельского языка 1994, 343] и не зафиксированное в словарях русский архаизм «ежелъ», хотя и в разговорной форме.

То же самое можно сказать и о группе частушек, где употребляется постоянное частушечное русское слово «дроля»:

Švačen, švačen droľost'a
En omasta külästä.
Suuren joven kohašta
Mustakulma brihasta.
Люблю, люблю дролечку
Не со своей деревни,
Из-за большой реки
Чернобрового парня.²⁹

Miula droľa armijašša,
Tuagieh tündäü kirjazet.
A mie tällä zav'lekaičen
Muštakulma (šil'mä) brihačči.
Мой дроля в армии,
Часто посылает письма.
А я здесь завлекаю

Чернобрового (~глазого) парня (паренька).
Варваризм droľa в значении 'ухажер' [Словарь карельского языка 1994, 34] вполне объясним: слово «дроля» редко использовалось в быту и являлось

принадлежностью частушечного жанра. Поэтому в период своего сложения карельская частушка вполне естественно заимствует топоним русской частушки, в том числе и такой характерный образ, как дроля (сюда же следует отнести и образы родной и модный). То же самое можно сказать и о слове zav'lekaičen, «завлекаю», которое относится к группе слов, обозначающих любовную игру, ухаживание в среде деревенской молодежи, что составляет одну из главнейших тем частушки. Оно также является несомненным заимствованием, поскольку в карельском языке для обозначения этого процесса используется совершенно иная лексика. К этой же группе относится и слово uglazilla. Совершенно иной характер имеет в данной частушке слово armijašša: это не варваризм, заимствованный из русского языка, так как и в самом русском языке оно принадлежит к словам иностранного происхождения. Впрочем, следует заметить, что в указанном словаре карельские адекватны для слова «армия» не указаны.

К группе характерно частушечных слов относится и варваризм stradaija в следующей частушке:

Olizin mie čiganone,
Mahtan bi gadajja.
En andazin mie droľalla
Kolme vuotta stradaija.
Была бы я цыганкой,
Могла бы гадать.
Не дала бы я дроле
Три года страдать.

В карельском языке русскому слову «страдать» в значении 'мучиться' соответствуют слова kiduo, tuokka [Словарь карельского языка 1994, 99, 167]. Но карельская частушка берет слово из словаря русской частушки, где слово «страдание» является одним из самых употребительных и даже дает название одной из разновидностей частушки. И рядом с дролей «страдание» оказывается прямым заимствованием.

Таким образом, мы видим две группы частушек с языковой интерференцией: 1) немногочисленные русскоязычные

²⁹ Следует заметить, что эта частушка была, видимо, очень популярна. Ср. запись другого перевода ее: Люблю, люблю парня / Не со своей деревни, / Чернобрового мальчика / Из-за широкой реки (Зап. от В. И. Заболотной, 1934 г. р., д. Тимошкино, Весьегонский р-н. 2007). Ср. также перевод «припевки»: Люблю парня, да только не со своей деревеньки (Зап. от Н. В. Соколовой, 1925 г. р., с. Толмачи, Лихославльский р-н. 2003 г.). К сожалению, карельские оригиналы этих текстов записаны не были.

чапушки с карельскими вкраплениями; 2) более многочисленные карельские чапушки с русскими вкраплениями. Карельские вкрапления в русскоязычных чапушках — это либо специфические выражения, знакомые русскому окружающему населению, либо табуированные и в самом карельском языке выражения, отграничивающие посвященных карелов от профанов русских. Русские вкрапления в карельских чапушках — это специфическая «чапушечная» лексика: либо общепотребительная, вошедшая в языковой обиход (родной, дроля, шаль, уголок, ежель, вовсе), либо заимствуемая в процессе создания чапушки (завлекать, модный, страдать). Вполне понятно, что «чапушечная» лексика представляет особый интерес для понимания жанровой интерференции пограничного фольклора.

В связи с этим обратим внимание на чапушки, которые имеют одинаковое строение: отец дарит/покупает матери платок/шаль с цветочным рисунком. Заканчивается чапушка строкой «Elä hvatti hukka/hukkone» (не схватит волк). Купленный/подаренный платок/шаль с цветочным рисунком выступает здесь как архаический оберег. Такой символики в русской чапушке и в русском фольклоре индустриального общества нет. И вообще русские чапушки, в которых дарение какого-то предмета оказывается оберегом от дикого животного, едва ли существуют.

Очевидно, это рефлекс каких-то древних собственно карельских представлений, поскольку в традиционной культуре вепсов и других северных финно-угорских народов «были известны обережные обряды от волков» [Винокурова 2006, 118], хотя в качестве самого страшного животного волк уступает первенство медведю [Винокурова 2006, 117–125; Винокурова 2007, 17]. Получается, что карелоязычная чапушка заимствует лексику и образы русской чапушки как жанра фольклора индустриального общества, а система представлений восходит едва ли не к догосударственному периоду, это может стать темой будущих исследований.

Хотя наши непосредственные наблюдения были посвящены только чапушке, имеющиеся в нашем распоряжении материалы других жанров (жестокий романс, паремии) показывают, что фольклор тверских карелов уже в последней трети XX в. стал по преимуществу русским. От национальной идентичности карелы не отказываются, но в ежедневной практике за отсутствием письменности и делопроизводства на карельском языке, по причине того, что в школе карельский язык не изучается, они вынуждены использовать только русский язык. Поэтому русскую ассимиляцию карелов следует признать скорее вынужденным, чем добровольным процессом.

Источники и материалы

«Virži»: Репертуарный сборник карельских песен / Сост. З. И. Головкина, Р. В. Горцев. Тверь, 2007. 68 с.

Исследования

Винокурова 2006 — Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск, 2006. 448 с.

Винокурова 2007 — Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (Опыт реконструкции): Автореф. докт. ист. наук. СПб., 2007. 44 с.

Махотина 2010 — Махотина И. Ю. Фразеология и малые жанры фольклора русских цыган // Фольклор в современной культуре: Матер. науч.-прак. конф. Тверь, 2010. С. 126–129.

Миронова 2014 — Миронова В. П. Элементы заимствования русской лирики в карельской традиции: к постановке вопроса // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 17: Фольклорные традиции

в поликультурных зонах России: Сб. науч. статей. М., 2014. С. 328–341.

Михайлова 2014 — Михайлова Н. Е. Отражение взаимодействия карельского и русского населения в культурной традиции Вельегонского района Тверской области // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 16: Мультифольклорное пространство Поволжья: Сб. науч. статей. М., 2014. С. 207–216.

Словарь карельского языка 1994 — Словарь карельского языка: (Тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. 396 с.

Тверская фольклористика: Материалы к библиографии 2018 — Тверская фольклористика: Матер. к библиографии // Сост. Н. Л. Волкова, А. В. Кобызская, И. Ю. Махотина, Л. В. Пазюк, Н. В. Романова, Е. Н. Флегонтова // Тверское фольклорное поле: Матер. науч.-практических конф. 2013–2015 годов: сб. науч. статей. Вып. 6. Тверь, 2018. С. 300–316.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Строганов М. В. <https://orcid.org/0000-0002-7618-7436>

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН: Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, 25а; профессор Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство): Российская Федерация, 117997, г. Москва, ул. Садовническая, 33, стр. 1; тел.: +7 (495) 690-50-30; e-mail: mvstroganov@gmail.com

THE IMAGE OF THE KARELIAN IN RUSSIAN HUMOROUS FOLK RHYMES (CHASTUSHKAS) OF THE KARELIANS: TO THE PROBLEM OF KARELIAN-RUSSIAN CULTURAL INTERFERENCE

MIKHAIL V. STROGANOV

(A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences: 25, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation; A. N. Kosygin Russian State University: 33-1, Sadovnicheskaya str., Moscow, 117997, Russian Federation)

Summary. *The Tver region has been a place of the Karelians' habitation since XVII century. Therefore, the problem of national contacts between the Russians and the Karelians is topical for this territory. Usually these contacts are described as devoid of any conflict, and the cultural exchange as intensive and fruitful, but in reality there has always been some xenophobia on the part of the Russians, which had been growing all through the XX century's industrialization period, when the Karelians began moving to urban areas. In chastushkas we see the reflection of "mild" xenophobia, of irony directed at the alien culture. Throughout the XX century the level of Karelian national identity had been decreasing. The Karelians do not conceal their nationality, but they do not manifest it openly, as well, and even the population of the Likhoslavl district define themselves as "Karelian-speaking" and not as the Karelians. As the result of the Karelians' cultural assimilation a large volume of Karelian folk material in the Russian language was recorded — the Russian folklore of the Tver Region Karelians. In this situation, the texts bearing the indices of national identity are of special importance. When a Karelian folk singer says, "These are our Russian vistas", she means not national, but administrative and civil identity. We can define three types of Karelian-Russian cultural interference. The first type is the thematic one: in chastushkas the image of a Karelian is either compared to that of a Russian, or is described as a thing in itself, while there still exists some implied outside point of view. Another type of cultural interference is connected with the language: the Russian chastushkas bear Karelian inclusions, while the Karelian ones have inclusions in the Russian language. The third type of the cultural interference deals with the background, and embraces either Karelian translations of the Russian folk songs, or creation of original Karelian songs similar to their Russian analogues with the same plot ("There flies a bird" / "Oh, my green, green orchard" and "In the field there grows a birch-tree" / "In the field there was a birch-tree"). The article gives a detailed analysis of the first two types of Karelian-Russian cultural interference.*

Key words: *chastushka, Russian folklore of the Karelians, national identity, lexical borrowings, Tver Region.*

Acknowledgements. *The reported study was funded and conducted as a part of the research work implementation of the governmental task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (No. 34.7602.2017 (8.9) and within the frames of the grant awarded President of Russian Federation for support of young Russian scientists — candidates of science (MK-2019).*

Received: July 25, 2019

Date of publication: December 10, 2019

For citation: *Stroganov M. V. The image of the Karelian in Russian humorous folk rhymes (chastushkas) of the Karelians to the problem of Karelian-Russian cultural interference. Traditional culture. 2019. Vol. 20. No. 5. Pp. 53–64. In Russian.*

DOI: 10.26158/TK.2019.20.5.004

References

Vinokurova I. Ju. (2006) *Zhivotnyye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii)* [Animals in the traditional Vepsian worldview

(reconstruction experience)]. Petrozavodsk. In Russian.

Vinokurova I. Ju. (2007) *Zhivotnyye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (Opyt*

rekonstruktsii): Avtoref. dokt. ist. nauk [Animals in the traditional Vepsian worldview (reconstruction experience): Abstract doct. of historical sciences]. St. Peterburg. In Russian.

Makhotina I. Ju. (2010) Frazheologiya i малые жанры фольклора русских цыган [Phraseology and small genres of folklore of Russian gypsies]. In: Фольклор в современном мире: Материалы научно-практической конференции [Folklore in modern culture: Materials of a scientific and practical conference]. Ed. by S. A. Sitnikov. Tver'. Pp. 126–129. In Russian.

Mironova V. P. (2014) Elementy zaимstvovaniya russkoy liriki v karel'skoy traditsii: k postanovke voprosa [Elements of the borrowing of Russian lyrics in the Karelian tradition: to the question]. In: Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir. Vyp. 17: Fольклорные традиции в поликультурных зонах России: Сборник науч. статей [Slavic traditional culture and the modern world. Vol. 17: Folk traditions in the multicultural zones of Russia: Collection of scientific articles]. Ed. by V. E. Dobrovol'skaja and other. Moscow. Pp. 328–341. In Russian.

Mikhaylova N. E. (2014) Otrazheniye vzaimodeystviya karel'skogo i russkogo naseleniya v kul'turnoy traditsii Ves'yegonskogo rayona Tverskoy oblasti [Reflection of the interaction of the

Karelian and Russian population in the cultural tradition of Ves'yegonsky district of the Tver region]. In: Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir. Vyp. 16: Muльтифольклорное пространство Поволжья: Сборник научных статей [Slavic traditional culture and the modern world. Vol. 17: Multifolk space of the Volga region: Collection of scientific articles]. Ed. by V. E. Dobrovol'skaja and other. Moscow. Pp. 207–216. In Russian.

Slovar' karel'skogo yazyka^ (Tverskiye govory) [Dictionary of the Karelian language (Tver dialects)] (1994) / Comp. A. V. Punzhina. Petrozavodsk. In Russian.

Tverskaya фольклористика: Материалы к библиографии [Tver Folkloristics: Materials for Bibliography] (2018) / Comp. N. L. Volkova, A. V. Kobyzskaya, I. Ju. Makhotina, L. V. Pazyuk, N. V. Romanova, E. N. Flegontova. In: Tverskoye фольклорное поле: Материалы научно-практических конференций 2013–2015 годов: Сборник науч. статей. Vyp. 6. [Tver Folk's Chlorine Field: Proceedings of the 2013–2015 th Scientific and Practical Conferences: a collection of scientific articles. Vol. 6.] Ed. M. V. Stroganov. Tver'. Pp. 300–316. In Russian.

© M. V. Stroganov, 2019

ABOUT THE AUTHOR

Mikhail V. Stroganov <https://orcid.org/0000-0002-7618-7436>

E-mail: mvstroganov@gmail.com

Tel.: +7 (495) 690-50-30

DSc in Philology, Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Tel.: +7 (495) 951-31-48

33-1, Sadovnicheskaya str., Moscow, 117997, Russian Federation

DSc in Philology, Professor, Department of General and Slavonic Art, Institute of Slavonic Culture, A. N. Kosygin Russian State University

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)